

О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕСТРУКЦИЯХ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Автор: Т. В. СМIRНОВА

СМIRНОВА Татьяна Вячеславовна - кандидат социологических наук, доцент Института бизнеса и делового администрирования Саратовского государственного технического университета.

Некоторые теоретико-методологические аспекты проблемы

В настоящее время не принято говорить об увеличивающейся с каждым годом социально-демографической группе пожилых людей как о социально и экономически полезной обществу, обладающей важными для общества ресурсами. В профессионально-деловой сфере, несмотря на декларируемое равенство всех возрастов, по отношению к работникам предпенсионного возраста применяются дискриминационные практики, которые на микроэкономическом уровне (на отдельно взятых предприятиях, учреждениях) реализуются через отказы в приеме на работу и необоснованные увольнения. Как правило, объяснением служит указание на неспособность пожилыми сотрудниками в нужные сроки выполнить работу, невосприятие инноваций, снижение профессионального уровня, их заторможенность и др. Иными словами, речь идет о профессиональных деструкциях, которым пожилые работники подвержены в сильной степени.

Здесь уместно небольшое отступление с целью обоснования использования термина "профессиональные деструкции" в данной статье. В современной социологии для обозначения вероятности возникновения опасности и масштаба ее последствий обычно применяется понятие риска [1], имеющего сегодня весьма широкое хождение в раз-

личных областях социологического знания. По утверждению Э. Гидденса, понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего [2]. Когда же речь идет о способности/неспособности выполнения профессиональных обязанностей представителями определенной возрастной группы и выявления механизмов, препятствующих этому, целесообразнее использовать термин "профессиональные деструкции", который в настоящее время наиболее часто используется в психологии.

Под профессиональной деструкцией понимают разрушение, изменение или деформацию структуры личности в пространстве профессионального труда [3]. Э. Ф. Зеер определяет это понятие, как "постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности" [4, с. 149].

В социологии понятие "деструкция" применяется для обозначения разрушения, нарушения сложившейся структуры в очень широких пределах, часто принимая при этом различные формы: "декомпозиция" у О. Конта; "социальная патология" у П. Ф. Лилиенфельда, "регресс" у Г. де Греефа. В рамках обсуждаемого вопроса представляет интерес описание деструкций как исчерпание внутренних ресурсов социальной мобильности, как кризис адаптации [5]. Здесь нельзя не отметить психоаналитическое влияние на эту проблему, которое обнаруживается в социологической методологии. В границах данной работы под "профессиональными деструкциями" мы понимаем пусковой механизм, ведущий к кризису профессиональной адаптации человека. При этом важно выделить принципиальное отличие социологического подхода к изучению того или иного проблемного поля от психологического: социолога интересуют не особенности индивидуальных характеристик отдельно взятого человека, а уровень выраженности изучаемого явления в социальной группе.

Рассмотрим подробнее связь двух процессов: старения и формирования профессиональных деструкций. Косвенная связь их обнаруживается уже в определении, где подчеркиваются "постепенно накопившиеся изменения". Объясняя данную корреляцию, Э. Ф. Зеер указывает на различные виды старения как на факторы, инициирующие образование деструкций. К примеру, упоминается нравственное-этическое старение человека, проявляющееся в "навязчивом морализировании, ... противопоставлении прошлого настоящему, преувеличении заслуг своего поколения и др.". Близок к этой точке зрения и Е. С. Авербух: "У старых людей круг интересов сужается, появляется повышенный интерес к переживанию прошлого.... Неуверенность в себе делает стариков более мелочными, свехосторожными, консервативными, малоинициативными т.п." [6]. Вывод Э. Ф. Зеера в связи с этим очень жесткий: "Нельзя отрицать очевидного: старение деформирует профессиональный профиль человека, отрицательно сказывается на достижении вершин профессионального мастерства" [4, с. 56]. Преодолевая желание не согласиться с такой формулировкой из-за ее безапелляционности, следует все-таки признать, что в целом автор прав.

В современных демографических условиях представляется чрезвычайно актуальной задача - не просто выявить факторы, определяющие профессиональные деструкции в пожилом возрасте, констатировав их существование, но, главным образом, определить меру их непреодолимости, установить границы влияния. Поставленная задача влечет за собой следующую, имеющую большое практическое значение - найти пути преодоления, определить направления для реабилитации по каждой такой детерминанте.

Традиционно старение связывают с самоощущением человеком своего возраста. Контент-анализ позволяет выделить ряд признаков старения в субъективном измерении. М. Э. Елютина в рамках темпоральной теории старости указывает на обращение к прошлому, как попытку найти точку опоры, купировать негативные последствия происходящих изменений [7]. Э. Зеер пишет об изменении эмоциональной сферы в

пожилом возрасте, возникновении дезадаптивных форм поведения, навязчивого морализирования, противопоставлении прошлого настоящему, невосприимчивости к нововведениям и др. [4, с. 131]. Е. С. Авербух в аналогичном контексте говорит о происходящем сужении круга интересов и контактов с людьми [6].

С целью выявления степени выраженности в различных социальных группах признаков старения (снижение или потеря интереса к жизни; сужение круга общения; отсутствие стремления к новым впечатлениям; обращение собственных размышлений в прошлое) автором совместно с Центром социальных исследований "РОСС-XXI век", возглавляемом к.ф.н. В. П. Санатиным, в Саратове в 2006 г. проведено исследование методом анкетного опроса. При формировании выборочной совокупности применялась методика квотного отбора по признакам пола, возраста, образования и дохода. Объем выборки составил 1220 человек.

Представление о наличии перечисленных выше признаков старения можно выразить через частное от деления числа респондентов - носителей исследуемого признака на количество опрошенных, решительно отвергнувших наличие у себя изучаемого качества. Полученный показатель можно условно назвать индексом субъективного старения (ИСС). Отметим, что введение ИСС сделано нами по аналогии с индексом субъективной защищенности, обоснованным Л. Кесельманом и М. Мацкевич [8]. Как и при анализе результатов их исследований, в нашем случае такой показатель дает более ясную картину для анализа выраженности в различных группах признаков старения, которые негативно сказываются на производительности труда, являясь причиной профессиональных деструкций.

Влияние факторов возраста, дохода и статуса на признаки старения

Использование индекса субъективного старения становится возможным и целесообразным при анализе признаков, заложенных в вопросах анкеты, предлагавших варианты противоположных ответов. Например, в вопросе "Как изменился ваш **интерес к жизни** за последние годы?" предлагались альтернативы: "понижился", "повысился", "остался на прежнем уровне". Используя введенный для удобства аналитической работы ИСС, можно констатировать прямую зависимость интереса к жизни от *возраста* респондентов. Так, среди 16 - 25-летних ИСС составил 0,05; среди 26 - 35-летних -0,08; в группе 36 - 45-летних - 0,2; в группе 46 - 55-летних - 1,1; среди респондентов старше 55 лет - 3,5. Таким образом, результаты исследования показали существование *тенденции* снижения интереса к жизни в связи с возрастом. Выяснилось, что на снижение или рост интереса к жизни влияет *доход*, причем в столь сильной степени, что можно говорить о прямой зависимости. Так, в группе с высоким уровнем дохода ИСС по этому признаку составляет 0,2. Наличие среднего достатка увеличивает интерес к жизни до 0,5. Среди группы респондентов, относящих себя к бедным, ИСС составил 2,8.

Из исследования видно, что на интерес к жизни значительно влияет такой фактор, как *социальный статус человека*. В контексте нашего анализа это пенсионеры - работающие и неработающие. Ответы респондентов свидетельствуют о довольно высоком снижении интереса к жизни и у первых, и у вторых. Однако этот показатель у респондентов, завершивших свою трудовую деятельность, выше в 2,3 раза: прекращение трудовой деятельности служит катализатором, ускоряющим процесс старения, который находит проявление в снижении интереса к жизни.

Посмотрим далее, как влияют факторы возраста, дохода и статуса на такой признак старения, как **общение**. Проанализируем ответы респондентов на вопрос: "Как изменилась интенсивность общения и частота контактов с людьми?" (предлагаемые ответы: "уменьшается"; "остаётся постоянной"; "увеличивается").

Возраст 55 - 60-летних знаменует коренную перемену в жизни человека, он переходит в когорту пенсионеров, что во многом в нашем обществе снижает возможности для удовлетворения потребностей, в том числе и "роскоши" человеческого общения.

В ходе исследования была выявлена зависимость изменения интенсивности общения от уровня *дохода* респондента. Так, 54% опрошенных с высоким достатком отметили увеличение числа своих контактов с людьми, тогда как среди бедных на это указали лишь 27%. Уменьшение интенсивности общения в последние годы зафиксировали 44% респондентов с низким уровнем дохода и лишь 4% "высокодоходных" опрошенных. Таким образом, ИСС в наиболее материально обеспеченной группе составил 0,07; в группе со средней обеспеченностью - 0,3; среди респондентов, находящихся в наихудшем материальном положении - 1,6. Интенсивность общения существенно зависит от того, работает человек или нет. Согласно данным, ИСС в первом случае составил 2,3; во втором - 7,2, то есть расхождение по обсуждаемому признаку в группах работающих и неработающих пенсионеров, принявших участие в исследовании, более чем в 3 раза. Иными словами большинство неработающих пенсионеров (58%) зафиксировали уменьшение числа своих контактов с людьми. Среди тех, кто продолжает трудиться, таких ответов оказалось гораздо меньше.

Неработающий пенсионер, как правило, ограничивает свой круг общения до минимума - только самые близкие люди. При этом социальный статус пожилого человека, который определяется, прежде всего, профессиональной принадлежностью, стремительно снижается сразу после увольнения. У продолжающих трудовую деятельность репертуар социальных ролей сохраняется, обеспечивая тесные контакты с окружающими и более широкую коммуникативную сеть. Однако и этим людям последствия низкого социального статуса своей возрастной группы в обществе знакомы не понаслышке: ведь дискриминация по отношению к пожилым работникам - обычная практика на современных предприятиях. Положение работающего пенсионера сегодня можно охарактеризовать как крайне нестабильное. Обычная практика - администрация предприятий как бы делает одолжение, позволяя им работать, несмотря на пенсионный возраст. В таких условиях работник трудится в постоянном напряжении, которое приводит, в частности, к сосредоточению на узком круге должностных обязанностей, стремлению избегать нового - новых заданий, новых людей, чтобы не усугубить свое и без того шаткое положение. Значит, трудовая деятельность в позднем возрасте является не только влияющим, но ключевым фактором, определяющим интенсивность общения индивида.

Еще один из признаков старения, выбранный нами для анализа, - **ориентация на прошлое**. Как справедливо отмечает Р. М. Грановская, человек может стареть и молодеть за счет увеличения удельного веса психического будущего или уменьшения психического прошлого [9]. С целью выявления влияния факторов на вектор, направленность размышлений, в анкету включен вопрос: "Каково основное направление ваших размышлений о жизни?" Предлагалось выбрать один из следующих ответов: "Проблемы сегодняшнего дня", "прошлое", "будущее", "другое".

Как и следовало ожидать, индекс субъективного старения по обсуждаемому признаку (ориентация на прошлое) находится в прямой зависимости от возраста респондентов: среди 16 - 25-летних составил 0,02; у 26 - 35-летних - 0,03; в группе 36 - 45-летних - 0,1; в группе 46 - 55-летних - 0,05; среди респондентов старше 55 лет - 1,2. Интересно, что среди 46 - 55-летних респондентов этот показатель значительно понижается. Для данной возрастной группы характерны скорее размышления о сегодняшнем дне (68% ответов), нежели о прошлом или будущем. Сосредоточенность на проблемах сегодняшнего дня, возможно, обусловлена вхождением в так называемое "десятилетие перед пенсией". В такие периоды интересы формируются вокруг решения проблем настоящего времени, ввиду того, что будущее неизвестно, а, значит, пугает больше, чем обычно. Резкий рост ИСС наблюдается среди респондентов старше 55 лет (ИСС = 1,2). Следовательно, зависимость вектора размышлений в рамках триады: "прошлое-настоящее-будущее" от возраста можно описать так: по тем или иным причинам возни-

кающие колебания значений ИСС во всех возрастных группах невелики, за исключением самой старшей, которая больше других пытается найти опору в прошлом, противопоставляя его настоящему.

Что касается связи вектора размышлений о жизни с *доходом*, здесь имеются некоторые особенности. Ориентация на прошлое, по нашим данным, от дохода не зависит вовсе. На прошлое как на основное направление размышлений о жизни указали 5% респондентов с высоким уровнем материального достатка, 6% - со средним и столько же - 6% опрошенных с низким уровнем дохода. Размышления же о будущем зависят от достатка в значительной степени: это отметили 19% респондентов с низким доходом; 37% - со средним; 61% - с высоким уровнем материального благосостояния. Кроме того, выявлена высокая степень зависимости от дохода ориентации на проблемы сегодняшнего дня. Так, среди бедной части респондентов исключительно проблемы сегодняшнего дня занимают мысли 74% респондентов; со средним достатком - 57%. В группе с наилучшим материальным положением озабочены насущными проблемами лишь 35% опрошенных. В целом, эти показатели не вызывают удивления. Удел бедняков - выживание. Режим выживания исключает такую "роскошь", как планирование, размышления о прошлом или о будущем. Если вновь обратиться к высказыванию Р. М. Грановской о том, что молодость продляется через увеличение психического будущего, то шансов продлить молодость и отсрочить наступление психологической старости гораздо больше у материально обеспеченных людей [см. 9].

Как уже говорилось, среди старшей возрастной группы, представленной работающими и неработающими пенсионерами, ИСС значительно возрастает: 1,0 у первых и 1,6 - у вторых. При этом проблемы прошлого занимают мысли 26% оставивших трудовую деятельность и только 15% продолжающих работать. Будущее волнует пожилых людей независимо от их профессионального статуса - соответственно 17% и 16%. В большей степени они озабочены проблемами сегодняшнего дня - 57% неработающих и 68% работающих пенсионеров, что свидетельствует о нестабильности их положения. В такой ситуации замыслы на будущее представляются, по крайней мере, нецелесообразными.

Итак, носителями ярко выраженных признаков старения являются менее трети представителей старшего поколения. В то же время признаки, инициирующие возникновение и развитие профессиональных деструкций наблюдаются не только у пожилых людей. Так, частота встречаемости анализируемых признаков в группе респондентов с низким уровнем дохода безотносительно принадлежности к определенной возрастной когорте оказалась практически равной этому же показателю в группе опрошенных старше 55 лет. Л. В. Преснякова, основываясь на данных исследований Фонда общественного мнения, делает вывод: "Фактически уже в среднем возрасте россияне переходят на образ жизни, характерный для старшего поколения" [10].

Действие связи "наличие признаков субъективного старения - возникновение профессиональных деструкций" гораздо шире и выходит далеко за пределы старшей возрастной группы.

Что такое эмоциональное выгорание работника?

Объяснение такого вывода можно дать, привлекая к анализу еще один фактор, тесно связанный с профессиональными деструкциями, - эмоциональное *выгорание* работника. Термин "синдром эмоционального выгорания", предложенный в 1970-х гг. американским исследователем (Маслач К.), часто используется для описания и анализа профессиональных деформаций. Г. С. Никифоров определяет выгорание как ответ на хронический стресс, включающий три компонента: эмоциональное и/или физическое истощение, снижение рабочей продуктивности, деперсонализацию или дегуманизацию межличностных отношений [11]. П. Сидоров предлагает несколько более расширенное определение. По его мнению, эмоциональное выгорание - это реакция ор-

ганизма на продолжительное воздействие профессиональных стрессов средней интенсивности, проявляющаяся как процесс постепенной утраты эмоциональной, когнитивной и физической энергии, личной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением работы. Иными словами, это реакция защиты, приобретенный стереотип профессионального поведения, позволяющий экономно расходовать энергетические ресурсы [12].

Несмотря на относительную новизну термина и чрезвычайную распространенность синдрома эмоционального выгорания в современном обществе, само явление характерно не только для сегодняшних социально-экономических условий. Еще А. П. Чехов в рассказе "Ионыч" очень точно описал картину синдрома эмоционального выгорания главного героя произведения - врача. По прошествии многих лет практики доктор Старцев становится успешным и уважаемым специалистом, "у него в городе громадная практика, некогда вздохнуть". Однако изменилось и его отношение к работе. *"Характер у него изменился: стал тяжелым, раздражительным. Принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой о пол и кричит своим неприятным голосом: "Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!"*. Он одинок. Живется ему скучно, ничто его не интересует" [13]. Таким образом, синдром эмоционального выгорания не является продуктом сегодняшних реалий профессионально-деловой сферы - новое здесь лишь название.

Отметим, что мы рассматриваем явление эмоционального выгорания в качестве одной из причин возникновения профессиональных деструкций в пожилом возрасте. С другой стороны, синдрому эмоционального выгорания "покорны все возрасты"; его можно встретить среди любой профессии, в любой или почти любой возрастной группе. Однако частота встречаемости и глубина поражения этим расстройством неодинакова среди представителей различных возрастных групп. Такой вывод напрашивается уже из определений понятия "эмоциональное выгорание", приведенных выше, в которых подчеркивается, что пусковым механизмом расстройства служит стресс, носящий хронический характер, либо его продолжительное воздействие на организм работника. Понятно, что частота встречаемости хронического профессионального стресса, к примеру, среди молодых специалистов будет значительно меньше, чем среди зрелых профессионалов.

О связи эмоционального выгорания и пожилого возраста можно судить, если обратиться к теории В. В. Фролькиса. Автор обнаружил, что многие проявления старения аналогичны изменениям, происходящим у взрослых при стрессе. Результатом этого открытия стала гипотеза о существовании стресс-возраст-синдрома, к проявлениям которого среди прочего относят ослабление нервного контроля, изменение баланса положительных и отрицательных эмоций и пр. По утверждению В. В. Фролькиса, старость - это время сокращения приспособительных возможностей организма. Поэтому, если в молодом возрасте стрессовая ситуация мобилизует организм, то в пожилом возрасте на фоне уже имеющегося стресс-возраст-синдрома, дополнительные стрессы приводят к гораздо более тяжелым последствиям [14]. Следовательно, эмоциональное выгорание пожилых работников при прочих равных условиях выражается рельефнее. От респондентов предпенсионного и раннего пенсионного возраста нередко можно услышать: "Я выработался". На наш взгляд, подобные высказывания, указывающие на опустошение ресурсов человека, в первую очередь свидетельствуют об эмоциональном выгорании профессионала.

Крайне сложную в этом отношении ситуацию иллюстрирует тот факт, что депрессивные расстройства становятся обычным, распространенным состоянием пожилых россиян. Депрессии пожилого возраста характеризуются утратой способности радоваться, снижением активности, чувством тревоги, а также распространенным опасением стать "обузой". Очевидно, что депрессивные состояния исключительно негативно влияют на качество жизни пожилых людей, снижая вероятность успешной адаптации пенсионеров к новым для них условиям жизни. В России численность представителей позднего возраста, подверженных депрессии, значительно выше, нежели в других стра-

нах. Так, в Швеции депрессивные расстройства наблюдаются у 0,7% пожилого населения; в Дании - 1,3%; в США - 2,7%; а в России (по некоторым данным) страдает от депрессии 21% пожилых граждан [15]. Следует подчеркнуть, что россияне прибегают к помощи психологов и психиатров весьма неохотно, в самом крайнем случае, поэтому значения этого показателя в реальности выше.

И. Г. Малкина-Пых справедливо отмечает, что поздняя зрелость - период наибольшей насыщенности стрессами (выход на пенсию, смерть близких людей, потеря работы и др.). Существующая в обществе установка на старость как на период "заслуженного отдыха" способствует тому, что пожилой человек не готов и не обучен переживать такого рода стрессы [16].

В рамках обсуждаемого вопроса представляются интересными данные результатов исследования, проведенного Фондом общественного мнения в 2005 г., по определению преобладающего эмоционального фона в различных возрастных группах [10]. Согласно данным этого исследования, чувства, обычно сопутствующие эмоциональному сгоранию, с увеличением возраста респондентов усиливают свои позиции. Так, чувство усталости характерно для 25% респондентов 18 - 35 лет и 40% опрошенных 55 - 59 лет. Беспокойство в последнее время испытывают 16% молодых респондентов и 31% лиц от 55 до 59 лет. В то же время такие эмоции как спокойствие, интерес, уверенность и решимость, напротив, с переходом в следующую возрастную группу занимают все меньше места в эмоциональном поле индивида. Таким образом, мы наблюдаем смещение баланса настроения с увеличением возраста респондентов в сторону роста негативных эмоций и уменьшения объема позитивных переживаний. Следует отметить, что рост числа негативных эмоций прекращается; более того, наблюдается некоторое их снижение при переходе из возрастной группы 55 - 59 лет к группе 60 - 69 лет и старше. Так, чувство усталости характерно для 38% опрошенных этой возрастной группы, а на беспокойство указывают только 15% из них. Нет сомнений в наличии связи между этим фактом и прекращением процесса выгорания из-за прекращения профессиональной деятельности. Работники третьего возраста, подверженные профессиональным стрессам, переживают их болезненнее и глубже, нежели их более молодые коллеги. Так что эмоциональное выгорание, встречающееся практически во всех возрастных группах, в социально-демографической группе третьего возраста характеризуется большей интенсивностью.

Таким образом, анализ явлений психологического старения и эмоционального выгорания подводит нас к выводу о сходстве, аналогичности их признаков. Теперь мы имеем ответ на вопрос, почему признаки старения, изучаемые в предыдущем исследовании [10], не имели жесткой привязки к пожилому возрасту. Кроме того, найдено объяснение для еще одной выявленной в приведенном исследовании закономерности - зависимости наличия признаков старения от уровня дохода респондентов. Неадекватная оплата труда работника в течение длительного времени - один из главных факторов, приводящих к эмоциональному выгоранию работника. Результат - возникновение синдрома эмоционального выгорания, схожего по большинству параметров с признаками психологического старения.

Ключевым различием этих признаков является зона их применимости. Так, для работников молодого и зрелого возраста принято употреблять термин "эмоциональное выгорание", а для предпенсионного и раннего пенсионного возраста объяснительной моделью негативных процессов служит старение. Принципиальная разница здесь в восприятии. В массовом сознании эмоциональное выгорание воспринимается как обратимый процесс (человеку просто нужно отдохнуть и отвлечься). Старение, обладая совершенно иным социальным прочтением, обычно трактуется как окончание не только развития, но и просто нормального функционирования работника.

Старение человека действительно служит одной из объективных причин возникновения профессиональных деструкций. Однако влияние этого фактора не является бесспорным и необратимым. Кроме того, границы такого влияния значительно расширены в массовом сознании, а представления о негативных возрастных изменениях в

обществе имеют масштаб, трудно сопоставимый с их реальным наполнением. Такое положение вещей в свою очередь навязывает определенный сценарий поведения представителям третьего возраста, вынуждая их в большинстве случаев искусственно (потому что преждевременно) подтверждать социальные ожидания. Таким образом, фактически мы имеем дело с различным прочтением механизмов профессиональных деструкций для работников разных возрастных категорий. Объяснительная модель этого явления лежит в области социальных стереотипов и неразрывно связана с темой социальной старости [17]. Профилактические мероприятия, направленные на предотвращение эмоционального выгорания работников, а также геронтологическое просвещение могут иметь и большую практическую пользу в современных условиях, когда постарение населения вносит изменения во многие области жизнедеятельности, в том числе в профессионально-деловую сферу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bradbury J.* The Policy Implications of Different Concepts of Risk // *Science, Technology & Human Values.* 1984.
2. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 109 - 143.
3. *Сыманюк Э. Э.* Психотехнологии коррекции и профилактики профессионально обусловленных деструкций педагогов // *Образование в Уральском регионе в XXI веке: научные основы развития: Тез. докл. науч. -практ. конф., 12 - 15 марта 2002 г. Ч. 2.* Екатеринбург, 2002. С. 110.
4. *Зеер Э. Ф.* Психология профессий. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф. -пед. ун-та, 1997. С. 149.
5. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1995. С. 35 - 37.
6. *Авербух Е. С.* Неврозы и неврозоподобные состояния в позднем возрасте. Л., 1976. С. 12.
7. *Елютина М. Э.* Геронтология социальная. Саратов: Изд-во Сарат. техн. ун-та, 2001. С. 67.
8. *Кесельман Л., Мацкевич М.* Субъективная защищенность от насилия // "Телескоп": наблюдение за жизнью петербуржцев. 2000. N 4. С. 10.
9. *Грановская Р. М.* Элементы практической психологии. СПб.: Свет, 1997. С. 458 - 459.
10. *Преснякова Л. В.* Социальный, материальный и эмоциональный климат старости в России // *Отечественные записки.* 2005. N 3.
11. См.: Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. *Никифорова Г. С.* СПб.: Питер, 2003. С. 287.
12. Синдром эмоционального выгорания / *Медицинская газета.* 2005. N 43.
13. *Чехов А. П.* Ионыч. Собрание сочинений в восьми томах. М.: Правда, 1979. Т. 6. С. 305.
14. *Фролькис В. В.* Старение: воспоминание о будущем // *Лечение и диагностика.* 1998. N 1. С. 41.
15. *Краснова О. В.* Условия и качество жизни в пожилом возрасте // *Психология зрелости и старения.* 2001. N4(16). С. 76.
16. *Малкина-Пых И. Г.* Кризисы пожилого возраста. М.: Эксмо, 2005. С. 84 - 85.
17. *Смирнова Т. В., Елютина М. Э.* Геронтологическая составляющая кадровой политики современного руководителя // *Социол. исслед.* 2006. N 3. С. 35 - 37.